АКАДЕМИЯ НАУК СССР

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1980

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1980

Издательство «Наука»
Москва
1981

Этим сборником открывается новое ежегодное издание по вопросам балто-славистики. Предшествующие ему "Балто-славянский сборник" (М., 1972), "Балто-славянские исследования" (М., 1974), "Балто-славянские этноязыковые контакты" (М., 1980) определили программу настоящего издания, нашедшую отражение и в его первом выпуске: сравнительно-историческая грамматика балтийских и славянских языков, исследование контактов балтийских и славянских языков и культур в их настоящем и прошлом, сопоставительно-типологическое изучение балтийских и славянских языков и культур, исследование индоевропейских основ балто-славянской проблематики, проблемы этногенеза балтов и славян на материале языка, топонимии и ономастики, духовной и материальной культуры.

Редакционная коллегия:

Вяч.Вс. Иванов (отв. редактор),
К.П. Корсакас, В.П. Мажюлис, Л.Г. Невская,
М.К. Рудзите, Т.М. Судник (отв. секретарь),
А.Е. Супрун, В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев

Б $\frac{70101-374}{042(02)-81}$ 394-81. 4602000000

©Издательство "Наука", 1981 г.

О.Н. ТРУБАЧЕВ

РЕПЛИКА ПО БАЛТО-СЛАВЯНСКОМУ ВОПРОСУ

Новую балто-славянскую серию уместно напутствовать самыми добрыми пожеланиями успеха; не менее уместно - как человеку заинтересованному - высказать по этому случаю свои собственные соображения и, наконец, выразить некоторые надежды в данной области науки. Серьезный уровень обмена мнениями гарантирует серьезная подготовительная работа составителей сборника. Подбор статей и материалов как бы приглашает к деловому и конкретному обсуждению проблем, которые занимают всех нас. Деловое, острое и фундированное материалом обсуждение проблем - это то, что нужно нашей науке, и статьи настоящего сборника служат весьма благодатной почвой для этого. Состав их необычно многоаспектен - от групп крови и культуры до того главного, что делает балтов балтами, а славян славянами, - их языка. Отрадна широта, которой проникнуты статьи. Не самодовлеющий единственный метод анализа, а свой материал как подступ к большой задаче, как правило, не укладывающейся в одну методику. Такая междисциплинарная солидарность очень нужна современной небывало разросшейся науке. Описание нынешней языковой ситуации совершенно справедливо понимается (и предпринимается) как "возможность сквозь призму настоящего взглянуть и на прошлые этапы...".

"Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем" - это необходимый аспект, без которого, видимо, нельзя изучать эти контакты "в прошлом", иными словами, нынешние контакты балтов и славян - это резерв реконструкции их древних контактов. Больше того, нынешние их контакты, mutatis mutandis, могли бы нам послужить моделью тех балто-славянских контактов, которые были 2000 лет тому назад... Не выпячивая отдельных остродискуссионных моментов, можно было бы говорить при этом о контактах родственных диалектов, в отношении к которым не следует слишком преувеличивать ни близость, ни расхождения. Контакты - там, где они действительно возникали, - могли очень постепенно выработать в пограничной зоне то единство способов выражения, которое бывает в условиях языкового союза. Не об этом ли языковом союзе свидетельствует та легкость и достижимость точного перевода с литовского на русский, resp. белорусский и обратно?

Конечно, реконструируя и моделируя древние балто-славянские контакты по нынешним их контактам, мы неизбежно ощутим неравномерность или просто нехватку данных. В наиболее выгодном положении оказывается при этом изучение балто-восточнославянских контактов: они продолжаются и сейчас. Продолжаются и балто-западнославянские, точнее, балто-польские контакты. Но уже контакты балтов с другими частями западнославянской территории остаются в глубокой тени. Скажем иначе: они мертвы, но в исторической их реальности трудно сомневаться. Древние балты, в том числе западные балты, должны были знать великие пути своего времени и проникали, в частности, через Моравские ворота в Моравию, в говорах которой этимология выявила ряд локальных лексических балтизмов, к которым, возможно, причастны зашедшие сюда галинды (или их ветвь). В равной степени мертвы балто-южнославянские контакты, историческая реальность которых доказывается рядом сепаратных балтизмов в южнославянских языках, о чем, кажется, впервые в свое время заговорили именно в Институте славяноведения АН СССР: в болгарском, а также сербохорватском и даже словенском языке. Факт наличия их там крайне интересен, потому что появиться они могли в славянских диалектах еще до того, как те стали южнославянскими, т.е. не менее полутора тысяч лет назад, а скорее, еще раньше. То обстоятельство, что эти южнославянские балтизмы уже выглядят как совершенно обособленные, не мотивированные на славянской почве лексемы, проливает свет на характер балто-славянских контактов в древности: они во многом напоминают современные, когда и балтийский и славянский имеют свою отличную физиономию.

Датировать сложение не только балтийского, но и славянского языкового типа надо, конечно, не I-VI в. н.э., а гораздо более ранним временем. Славистика, изучающая праславянский язык, добилась в последнее время определенных успехов, к числу которых следует отнести концепцию диалектной сложности праславянского. Типологически поучительно было бы предположить нечто аналогичное и для балтийского языкового пространства в древности, т.е. скорее неоднородности его, чем однородности.

Балтийский язык входит в ареал распространения древнеевропейской гидронимии, некоторым исследователям он представляется даже центром радиации этой древней гидронимии. Считается, что праславянский язык не входил в ареал древнеевропейской гидронимии, и это очень странно, потому что противоречит постулируемому надъязыковому и наддиалектному характеру названного гидронимического ареала, а также противоречит всем древним связям праславянского с другими индоевропейскими языками Европы, наконец, противоречит и теории выделения праславянского из недр прабалтийского или его западной ветви, которой в материалах сборника уделено

немалое внимание. Здесь уместно вспомнить об известных больших различиях в лексике между балтийским и славянским, вместе с тем - о сходствах в древней терминологии славянского именно с языками центральноевропейского района. Сюда же надлежит отнести древние балто-славянские различия в морфологии, из них достаточно назвать такое капитальное, как наличие/отсутствие флексии *-nt-* в 3 л. мн. ч. Порождение праславянского из западнобалтийского представляется в этих условиях слишком чудесным и загадочным. В самом деле, в условиях территориальной близости ожидалось бы гораздо большее сходство "предка" и "потомка", чем то, которое мы реально наблюдаем.

Стремление точно определить предка праславянского языка понятно. Вместе с тем не может не настораживать типологическая уникальность в индоевропейской глоттогонии предполагаемого акта порождения праславянского как некоего уравнения: западнобалтийский + италийский = праславянский (вар.: балто-славянский + иранский = праславянский). Архаизм балтийских языковых данных, как и инновационизм славянских, нередко относителен. Вспомним здесь Брюкнера: "Starożytność znowu języka litewskiego, na którą się wszyscy zawsze powołują, raczej pozorna i przypadkowa, niż rzeczywista, góruje w zachowaniu niektórych dyftongów: *au*, *oi*, i końcowego *s*, jakie posiadają łacina lub greka; poza tą cechą byle narzecze słowiańskie jest niemal równie "stare", jak litewszczyzna, a nieraz starsze (np. w czasowaniu)"[1]. В славянском часто приходится иметь дело с своего рода обновленными архаизмами, отчего их общеиндоевропейская ценность не уменьшается. Да и так ли уж вообще реальны абсолютные архаизмы в той системе отношений, которую представляет собой язык?

Самобытность индоевропейского типа, представленного в праславянском языке, заслуживает, кажется, несколько большего признания. Вероятие происхождения из особых индоевропейских диалектов не исключает достаточно близкого родства с балтийским, помноженного на их ареальные контакты, порождавшие в ряде случаев сближение вплоть до неразличения и возможной двусмысленной атрибуции, которой более всего подошло бы название балто-славянский. В этом смысле даже фамилию *Королюк* можно трактовать как балто-славянскую, если она для одного из авторов предварительных материалов конференции "Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом" (М., 1978), если я верно понял, по-видимому, интерпретируется из лит. *Karaliukas*, так сказать, 'mažas karalius' ('маленький король'), тогда как мы ее с неменьшим основанием читаем как славянскую (белорусскую, украинскую) патронимическую производную форму *Корол'-ук*, т.е. 'королевич', "Короленко".

В общем балто-славянская проблематика вызывала много споров и прежде, едва ли они утихнут и в обозримом буду-

[1] *Brückner A.* Starożytna Litwa. Ludy i bogi. Szkice historyczne i mitologiczne. Warszawa, 1904, s. 5.

щем. Комплексность подхода, безусловно, скажется здесь в свою очередь; археология, например, принесет свои споры (недавний международный симпозиум 1978 г. в Киеве "Этногенез славян" свидетельствует о том же). Диалог надо продолжать, удовольствовавшись для начала малым соглашением по вопросу, какой термин лучше - *балтский* или все-таки *балтийский*?

ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ

К ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БАЛТО-СЛАВЯНСКОГО ДИАЛЕКТНОГО КОНТИНУУМА

Более внимательное изучение различий в словаре и грамматических явлениях отдельных славянских диалектных областей, намеченное более 20 лет назад и детально проведенное за истекшее время, привело к несколько неожиданным результатам, которые по существу многое могут изменить в представлениях о наиболее древних изоглоссах (в частности, лексических), определяющих деление общеславянской области. Древность этих лексических изоглосс удостоверяется в значительной степени тем, что они находят подкрепление в лексических соотношениях между отдельными индоевропейскими диалектами (напомним, что именно словарные отношения остаются до сих пор наиболее разработанной стороной индоевропейской лингвистической географии). В качестве наиболее показательного примера можно привести выводы ряда исследований последнего времени, которые позволили установить наличие многочисленных лексических совпадений южнославянских диалектов с балтийскими, что требует нового исторического подхода ко всей проблеме членения балто-славянской диалектной сообщности начиная с индоевропейской эпохи (т.е. с того времени, когда балтийские языки и славянские существуют на одной территории в качестве диалектов одного языка - позднеиндоевропейского или, точнее, позднеевропейского или позднезападноевропейского, что может быть на основании сопоставления лингвистических и археологических данных отнесено к концу III-II тыс. до н.э.). Следовательно, между сосуществованием прабалтийского и праславянского диалектов (в то время еще предельно мало отличавшихся друг от друга) в Северном Причерноморье и сопредельных с ним областях Восточной и Юго-Восточной Европы в III-II тыс. до н.э. и началом распада общеславянского языкового единства в V-VI вв. н.э. проходит около двух с половиной (или даже трех) тысяч лет. За это время прабалтийские и праславянский диалекты, начинавшие уже расходиться между собой, находились в контакте друг с другом и с другими индоевропейскими диалектами - как позднезападноевропейскими (прежде всего германскими, о чем свидетельствует большая группа балто-славяно-германских изоглосс, особенно лексических, относящихся ко времени до изменения балтийских и славянских палатальных по типу языков satəm), так и иранскими (что может объясняться "скифо-европейскими" контактами эпохи существования языкового союза диалектов тех западноевропейских и восточноиранских - в широком смысле слова "скифских" - племен, которые были объединены тесными связями еще со времени их совместных переселений из Центральной Азии). Новейшие исследования в области славянской географии слов с убедительностью свидетельствуют о том, что при подобных контактах между древними индоевропейскими диалектами, образовывавшими (после значительно более раннего отделения от них целого ряда других диалектов - индоевропейских, тохарских, греческо-армянского и др.) вторичный языковой союз ("аллогенетическое родство" по акад. Г.В. Церетели), уже складывались диалектные различия внутри праславянского.

В качестве простого примера можно указать на весьма показательное лексическое противопоставление в обозначении попарно соотнесенных терминов со значениями 'правый' - 'левый', игравшими очень важную роль в древнеславянской системе мифологических и обрядовых представлений. Эта функционально значимая пара противопоставленных друг другу слов-антонимов в славянском обозначалась несколькими способами, из которых сопоставимый с балтийскими названиями (типа лит. *dešinỹs-is* 'правый'), имеющими индо-иранские (др.-инд. *dakṣina-*) и древнеевропейские (лат. *dexter*) соответствия, древнеиндоевропейский термин для обозначения 'правого' сохранился только в южнославянском, ср. стилистически обыгранное сопоставление церковнославянского (генетически восточно-южнославянского) и древнерусского (древневосточнославянского) способов обозначения этих понятий в списке древнерусского перевода "Книги бытия" (XIII, 9) времени интенсивного литературного двуязычия у восточных славян - XIV в.: *Любо ти на лѣво, а азъ на право, любо ти на десно, а азъ на шюе.* Принятый в северной (но не в южной) группе славянских диалектов (и восточных, и западных) способ обозначения понятия 'правый' посредством слова, имеющего прежде всего юридические ассоциации, представляет особый интерес, во-первых, ввиду весомости для древних славян всего комплекса представлений, связанного с правдой-правом соответственно кривдой-ложью, которые у северных групп славян наложились и на второй антоним (ср. др.-рус. *кривии* в значении 'неправый': *не ходяше поуте*^{м} *криви*^{м}, *но прави*^{м}, и в значении пространственном: др.-рус. *Кривии Бѣлок* и т.п.; ср. этноним кривичей и другие с ним сходные и т.п.); во-вторых, потому, что этот же семантический способ образования понятия 'правый' характерен для древнегерманского (ср. в современных языках англ. *right*, нем. *recht* и т.п.). В данном случае представляется несомненным, что сохранение индоевропейского архаизма в южнославянском привело к совпадению его с также архаичным балтийским; общий принцип сохранения архаизмов на периферии ареала при инновации в центре (в данном случае в центре балтийско-славянского диалектного ареала, понимаемого как единое целое) давно уже выявлен лингвистиче-

ской географией. Но существенно при этом, что для этого достаточно далекого времени, когда можно говорить о едином балто-славянском диалектном ареале (где диалекты первоначально непрерывно переходят друг в друга, образуя пространственно-временной континуум), несущественно различие между восточной и западной группой северных диалектов праславянского, которые все вместе семантической инновацией объединяются с прагерманским, противопоставляясь прабалтийскому.

Из древних выявленных лингвистами в последние годы фактов этого же рода, которые могут представить особый интерес для историков, занимающихся проблематикой славянского этногенеза (но пока еще не привлекли их внимания), следует назвать обнаружение целых небольших текстов - фразеологических сочетаний и основанных на них сложных слов с достаточно специализированными значениями (в частности, относящимися к социальной сфере). Из открытий такого рода, которые смело можно назвать сенсационными, достаточно указать на обнаруженное В.Н. Топоровым (особенно много сделавшим для выявления южнославяно-балтийских сходств рассматриваемого типа) совпадение схрв. *задружно владање* с прус. *draugi-waldūnen* 'сонаследник' (прус. *waldūns* 'наследник'), лит. *draũgvaldonis*, схрв. *задруга-братство* и лит. *draũgbrolis*. Речь идет о специфическом терминологическом сочетании, которое относится к языку права, строго кодифицированному и потому сохраняющему множество архаизмов. Еще существеннее то, что составные части этого термина представляют собой типичную социальную лексику западноиндоевропейского диалектного ареала. В первой части этого сочетания (и основанного на нем словосложения в балтийском) выступает термин взаимности, заменивший в славяно-балто-германском диалектном ареале древний синонимичный термин взаимности, сохраненный в хет. *araš aran* 'друг друга', др.-инд. *ari* (с иранскими и греческим соответствиями); ср. показательное сходство в образовании от него таких производных, как обозначения дружины в германском (**druhtiz* с отражениями во всех древних языках) и славянском, ср. лит. *draugóvė* 'дружина' и т.п. Во второй части сочетания используется производное от основы **wel-* 'управлять, царь-предводитель', объединяющей все древнеевропейские (западноиндоевропейские) диалекты с тохарским, и следовательно, особенно архаическое. Но все сочетание в целом, хотя оно и построено из элементов, которые могут быть возведены к западноиндоевропейскому (или к одному из ранних его диалектных членений, включавших славяно-балто-германский ареал), сохраняется только в южнославянском и балтийском. Можно думать, что, как и специфическое для южнославянского обозначение "правого" (и "левого"), это словосочетание все вместе является архаизмом, а не инновацией. Но этот архаизм дает указание на то, что именно северная диалектная группа характеризовалась инновациями, отделявшими ее как от балтийских языков, так и от южнославянских. При этом (как и в случае архаичной фонетической

изоглоссы *tl* > *kl*) в некоторых из подобных случаев от других восточных диалектов отделяется близкая к балтийским крайне северная (прасеверновеликорусская) группа. Явным архаизмом, общим у южнославянского (за исключением прасловенского, особенно близкого к прачешско-словацкому) не только с балтийским, но и с прасеверновеликорусским, является болг. *бръмбар* 'жук', макед. *бумбар* 'жук', схрв. *бȕмбāр* при сев.-вел.-рус. *бубáрка* 'букашка', *бубарица* 'жук', лит. *bam̃balas*, лтш. *bam̃bals* 'жук', прус. *Bambeln* (топоним XV в. н.э.); архаизм восточноиндоевропейской формы с суффиксом **-l-* ~ **-r-* удостоверяется греч. βομβυλίος 'шмель', др.-инд. *bambaraḥ* 'пчела', парачи *bham'bur* 'оса'. Судя по наличию подобных соответствий в греческо-арийском (греческо-индоиранском), слово может восходить к эпохе сохранения ранних контактов праславянского с иранским. Для более позднего времени можно предполагать наличие центральной северной диалектной зоны, характеризующейся инновациями, не затрагивающей ни праюжнославянского, ни прасеверновеликорусского.

Древние изоглоссы, которые объединяют южнославянские с юго-западной частью восточнославянского ареала, противопоставляя их западнославянским (кроме словацкого) и части восточнославянских диалектов, можно предположить при сравнении разных вариантов грамматических окончаний. В частности, вариант глагольной формы 1 л. мн. ч. наст. вр. *-mo* известен в словацком, западно-южнославянском, северномакедонском и западноболгарском, украинском и белорусском, тогда как *-my* представлен в древнерусском, лужицком, польском, древнечешском и в языке некоторых частей Супрасльской рукописи, *-me* - в древнерусском, нижнелужицком, чешском, македонском, болгарском при стандартном *-mъ* в старославянском, болгарском, древнерусском, чешском и древнепольском. При всех (определяемых специфичностью развития конца слова в славянском) трудностях возведения этих морф к соответствующим диалектным индоевропейским вариантам представляется возможным допустить достаточную древность части этих вариантов, сопоставимых с балт. жемайт. *-mos*, лтш. *-mās*, прус. *-mai*, тох. В. 1 л. мн. ч. действ. зал. *-m(o)*, др.-инд. инъюнктивн. *-ma* (ср. перфект *vid-má* 'мы узнали': гот. *witum*), кельт. *-m* < **-mo* и т.п.

Еще больший интерес представляет то, что и на синтаксическом уровне оказывается возможным проведение различий между южнославянскими (позднее балканославянскими) диалектами и северными диалектами, не сохранившими черт, общих с частью балтийских диалектов. При этом с выявленными в недавнее время южнославянскими синтаксическими архаизмами оказываются сопоставимыми архаизмы западнобалтийские, представленные в прусском: прус. *din* 'он', отождествляется со второй частью болг. *еди-кой* 'кто-нибудь', серб.-церк.-слав. *кѣде кыи*; восстановленное **(j)e-di* ~ **de* находит подтверждение в авест. *təm dim... yo* 'того, который что'. По способу образования подобных относительных определенных синтаксических конструкций

славянские языки удается разделить, как показывает публикуемое в настоящем томе исследование А.А. Зализняка, на несколько диалектных подгрупп. Они различаются по тому, какое относительное местоимение в них используется (ср. др.-рус. *которыи*, ст.-слав. *которъ*, *котєръ*, лит. *katràs* 'который из двух', лтш. *katrs* с соответствиями как в германском - гот. *hwaþar*, др.-англ. *hwæðer*, - так и в восточноиндоевропейском: греч. *ποτερός*, др.-инд. *katarā́ḥ* при ст.-слав. и - в и-же, имеющем в этой функции соответствия только в балтийском и в восточноиндоевропейской - индо-иранско-греческо-фригийской диалектной группе) и·какой следующий за ним элемент (типа частицы) вносит дополнительный синтаксический оттенок определенности (ср. др.-рус. *которыи то*, др.-рус. *то-ть*, где функция *то* сходна с ролью этимологически соответствующего элемента в ст.-чеш. *to ti, tot'*, чеш. *to=té=ž*, *ty=té=ž* и соответствующих ст.-польск. *tocz=toć*, *to=cu=ż*, а за пределами славянского ареала - в зап.-герм. *the*: др.-в.-нем. *in themo tage, the her her ni wānit, inti in theru zit, the her ni weiz* 'in die, qua non sperat, et hora, qua ignorat' Татиан, 147, 12; др.-англ. *Unferd maelode, ... þē æt fōtum sæt frēan Scyndinza* 'Сказал Унферд..., который сидел у ног владыки Скильдингов'; в южном ареале ту же роль играет ст.-слав. *-же* и родственные ему частицы, ср. ст.-чеш. *je-ž*, чеш. *jenž*, этимологически связанное с греч. *-δε* < **g^{w}e*). По этой синтаксической изоглоссе, как и по некоторым другим, указанным выше, отдельно выделяется западно-южнославянский, судя уже по древнейшим памятникам, где характерны конструкции типа ст.-словен. *roti, kojihže ne pavet* (во Фрейзингенских отрывках) и т.п.

С точки зрения лингвистической географии представляется вероятным, что выделяемые по рассмотренным лексическим и грамматическим критериям центральные зоны инновации, объединяющие обычно западнославянские диалекты (или их восточную часть) с восточнославянскими (без северных), достаточно рано сформировались внутри общеславянской языковой общности. Их новообразования не захватывали южнославянского (позднее ставшего балкано-славянским) языкового ареала, отчасти также и других периферийных ареалов: прасеверновеликорусского, поморско-полабского и пралужицкого. Это вело к диалектному обособлению этих ареалов, в частности южнославянского, но то, что специфику этого ареала составляли архаизмы (а не инновации), не дает еще возможности говорить об отдельном южнославянском внутри общеславянского. Южнославянский как непрерывная область (континуум) диалектов формируется значительно позднее, после переселения носителей этих диалектов на Балканы, но часть изоглосс, его характеризовавших, сложилась как реликтовые еще в достаточно ранний период истории праславянского.

В.Н. ТОПОРОВ

КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА И БАЛТИЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Результаты ряда исследований в области балтийского языкознания за последние годы (балто-славянская проблематика, гидронимия балтийского типа, балтийские заимствования в славянских языках и славянские заимствования в балтийских) позволяют, кажется, сформулировать нетривиальный тезис о зависимости самого понятия "балтийский" (прежде всего в том, что касается его внутреннего содержания) от тех пространственно-временны́х координат, которыми описывается это понятие. Если говорить в общем о тех изменениях в понимании "балтийскости" (балтийское состояние, балтийский тип, балтийская модель и т.п.), которые лежат сегодня на поверхности, то они рельефнее всего выступают в связи с резким нарушением тех временны́х и пространственных рамок, которые по традиции определяли понятие "балтийские" языки в пределах сравнительно-исторического индоевропейского языкознания. В настоящее время привычное понимание "балтийского" типа лишь с большим трудом (и соответственно с чувством эстетической в широком смысле неудовлетворенности) может быть соотнесено с вырисовывающимися новыми временны́ми и пространственными характеристиками этого "балтийского" типа. Причем это фатально увеличивающееся неблагополучие в увязке традиционной картины с новыми фактами и новыми интерпретациями открыло два фронта: со стороны общеиндоевропейской древности и со стороны хронотопически более поздних (чем балтийский) типов, прежде всего - славянского.

В индоевропеистике и балтистике явно или прикровенно всегда исходили из того, что между общебалтийским (или даже просто некиим архаичным вариантом балтийского типа) и общеиндоевропейским существовал определенный временной разрыв, который должен быть заполнен каким-то вполне определенным (хотя и никогда не выявленным) лингвистическим содержанием. Предполагалось, что будущие исследования заполнят этот разрыв. Эта надежда продолжает теплиться (по крайней мере, в отношении определенных фрагментов языковой системы). Тем не менее пока этот разрыв заполняется более чем слабо. Зато, когда устанавливаются новые факты (напр., грамматические), которые можно квалифицировать как наиболее архаичные для балтийского состояния, они обычно сразу же ложатся в то, что можно назвать "индоевропейским праязыковым горизонтом". И обратно: многие индоевропейские реконструкции, предложенные в последнее время и оформленные именно как реконструкции, реально присутствуют в балтийских языках, хотя и представлены обычно в более позднем варианте морфонологического кода. Из сказанного могут быть сделаны два лишь по внешности противоположных вывода: 1) "балтийское" языковое время р а с т я г и в а е т с я за пределы общебалтийского по направлению к более древнему состоянию и за пределы современных балтийских языков по

направлению к хронологически и типологически более поздним языковым формациям (ср. славянские языки как "дети" балтийских, т.е. как принципиально иная, более продвинутая во времени генерация, а не просто как "немного менее древние языки"); 2) "балтийское" языковое время с п р е с с о в ы в а е т с я, стремится к нулю: ср. возможность понимания современных балтийских языков - в определенных фрагментах - не только как образа (трансформации) индоевропейского древнего типа, но в некоем роде как сам этот тип. П а р а д о к с а л ь н о с т ь балтийского в известном смысле сродни эдиповой ситуации. Смиренно принимая на себя роль сына по отношению к отцу (индоевропейскому праязыку), он во многом равноценен ему, равновременен в лингвистическом измерении (т.е. речь идет о ситуации: отец в маске сына). Вместе с тем, выступая в роли брата (по отношению к славянскому), балтийский, являясь представителем более архаичной генерации, фактически реализует другую (чем принимается языковедами) схему: "отец" - "сын". Иначе говоря, в обоих случаях балтийский занижает свой возраст: он существует как бы наряду то со своим предком (индоевропейский), то со своим потомком (славянский); последняя ситуация, парадоксальная среди живых языков (с ней можно сравнить в качестве мысленного опыта положение, при котором наряду с современным русским языком существовал бы и его предок по прямой линии, сохранивший индоевропейский набор флексий (т.е. *волк* и **vilkos*, *волка* и **vilkom*, *о волке* и **vilkoi* и т.п.), заставляет совершенно по-новому взглянуть на всю проблему заимствований в балто-славянском языкознании. Возвращаясь к указанной "протеичности" балтийского и трактовке отношений языкового преемства, уместно подчеркнуть еще две особенности, обычно не попадавшие в поле зрения исследователей или же истолковываемые ими иным образом, а именно: 1) при естественном развитии у балтийского е щ е б у д у т свои потомки, которые могут более или менее существенно отличаться от уже существующих потомков (славянский); в частности, напр., вариант *vilks* (Nom. Sg.) при *vilka* (Acc. Sg.), видимо, обеспечивает уклонение от схемы с редуцированным в Nom. Sg. (*vьlkъ*), обязательной для славянского типа; 2) язык - "отец" (балтийский) и язык - "сын" (славянский) находились в течение всего достоверно известного времени их истории на смежных территориях, что наиболее естественным образом должно трактоваться как указание на существование некогда единого в языковом отношении ареала.

Здесь-то и возникает вопрос о "балтийском" пространстве. Теперь ясно, что максимальный ареал, который может быть признан балтоязычным на основании гидронимических данных, охватывает территорию во много раз бóльшую, чем ареал балтийских языков (и народов) в историческую эпоху; исключительно показательно, что эти "новооткрытые" балтийские ареалы находятся и к востоку, и к югу, и к западу (за Вислой) от теперешних мест обитания балтийских народов. В связи с гидронимией балтийского типа

следует напомнить два обстоятельства: 1) языковой материал, лежащий в основе этой "балтийской" гидронимии, в высокой степени е д и н как по своему инвентарю, так и по своим хронологическим характеристикам (эта "изохронность" балтийской гидронимии предполагает или древнее языковое единство всей этой обширной территории, или некий этнодемографический "взрыв", приведший к распространению единой гидронимии на пространном ареале, видимо, в сжатые сроки); 2) "балтийская" гидронимия практически (по крайней мере, на уровне словообразовательных типов и в значительной степени в корнеслове) совпадает с "центральноевропейской". А это (как, впрочем, и обратная формулировка: "центральноевропейская" гидронимия распространяется и на область балтийских языков - настоящую и прошлую) и должно толковаться как знак присутствия в Прибалтике древнего "центральноевропейского" типа гидронимии, т.е. одного из наиболее архаичных типов индоевропейской речи среди тех, что доступны реконструкции. Если вспомнить, что балтийские языки в целом сохраняют в наибольшей сохранности по сравнению со всеми другими современными индоевропейскими языками (даже с новогреческим, удержавшим старое *-s* в именной флексии) древнее индоевропейское наследие (причем это преимущество балтийских языков в этом отношении должно рассматриваться как принадлежность их к иному порядку по сравнению с другими языками), окажется, что оба аргумента обращены к одному центру - к признанию балтийских языков и балтийского ареала своего рода "заповедником" древней индоевропейской речи.

К сожалению, в сравнительно-историческом языкознании часто приходится сталкиваться с иллюзиями, связанными со схемой родословного древа и своего рода эгалитаризмом, когда исходят из того, что все индоевропейские языки (независимо от того, хорошо или плохо сохранили они старое наследие) - уже нечто принципиально о т л и ч н о е от того, что восстанавливают как индоевропейский праязык (или континуум древнейших индоевропейских диалектов), и что все ветви индоевропейского праязыка равно отстают от языка-"отца". Подобные иллюзии - общий грех и неизбежное следствие определенного научного умонастроения, когда исследователь слишком жестко и определенно отделяет *себя* (субъект), *здесь* и *теперь* от *другого* (объект), *там* и *тогда*. Отчасти те же причины, которые обусловили блистательное непонимание древними греками (начиная с элеатов с их апориями) логических основ движения, по-своему продолжают деформировать ряд важнейших проблем в некоторых областях современной гуманитарной науки исторического цикла. Исследователь с похвальной целью лучшего, более объективного описания фактов отключает себя от них, выходит из сферы взаимного контакта с ними (*я* не *то*, что мной изучается). Эта во многих случаях (непредельных) оправданная позиция грозит кризисом, когда речь идет о п р е д е л ь н о й ситуации. В указанном выше понимании "балтийский" относится именно к этой крайней категории случаев: сгущение пара-

доксов в этой области сигнализирует о том, что сам материал сопротивляется выводимым из него схемам, протестует против, казалось бы, естественных, но, по сути своей, чрезмерных допущений. В такой ситуации уместно на время вернуться к анализу тех условий, которые раньше не входили в игру или определялись как нечто неизменное (чем можно пренебречь независимо от того, какой материал анализируется) или заданное в аксиоматической форме. По-видимому, та предметная область, к которой сейчас применяется понятие "балтийский", стала ныне тем фрагментом, где категории времени и пространства нельзя считать только внешними рамками языкового развития. Они сами участники, творцы и результат (т.е. субъект и объект) этого развития, и тем в большей степени, чем очевиднее нетривиальность (нестандартность) их проведения в связи с балтийским материалом.

Усвоение подобных взглядов, бесспорно, дает определенные основания для научного оптимизма. В частности, оно позволяет (по крайней мере, в некоем идеальном аспекте) понять балтийские языки не только как отдаленного потомка и наиболее достоверного из современных языков продолжателя и свидетеля индоевропейской речи, но и как с а м о е э т у р е ч ь в д е й с т в и и, хотя и ограниченную рядом существенных факторов. Впрочем, эта точка зрения, естественно, никак не противоречит иному аспекту проблемы: балтийские языки как н о в ы й языковой тип (sub specie эволюции). При всем этом следует иметь в виду и психологическую ситуацию ориентации субъекта, являющегося одновременно и объектом эволюционного, временно́го ряда: так, можно думать, что носители древнейшей индоевропейской речи, восстанавливаемой исследователями в статусе индоевропейского праязыка, будучи спрошенными о своем подлинном языковом состоянии, совершили бы ту же ошибку, что и наши современники (напр., говорящие на современных балтийских языках и - соответственно - исследователи этих языков), сказав, что их язык - лишь остаток, продолжение, рефлекс чего-то более старого, цельного, единого, совершенного и завершенного. Конечно, в каком-то смысле сходное можно было бы сказать и о других современных индоевропейских языках. Но все-таки все они отделяются в этом отношении от балтийских языков некоей существенной границей: балтийские языки имеют очевидное преимущество в архаичности, именно они задают меру отхода от индоевропейского типа, и в имплицируемой ими градации им нет равных в этом отношении. Поэтому было бы некорректно говорить о других языках то, что не сказано в первую очередь о балтийских.

Очень многое указывает на то, что балтийское сравнительно-историческое языкознание, столь богатое фактами и концепциями, накопленными в свою более чем столетнюю историю, сейчас выходит на новые рубежи, Они не всегда еще вполне осознаются, потому что многие признаки нового состояния пока еще продолжают более или менее автоматически и по видимости удобно укладываться в традиционные схемы. Многое может проясниться при теоретическом

осмыслении роли и значения балтийских языков в индоевропеистике, апеллирующей к непривычно широким и даже парадоксальным горизонтам. Необходимо и соответствующее этим новым теоретическим возможностям исследование материала. Среди desiderata балтийского сравнительно-исторического языкознания в контексте сказанного предлагается обратить внимание на следующие проблемы:

1) создание сравнительно-исторической г р а м м а т и к и балтийских языков, в которой акцент делался бы не на с о п о с т а в л е н и и фактов трех балтийских языков (обычно без определения внутренней ценности сопоставляемых фактов), а на проблеме реконструкции более древнего балтийского состояния, не совпадающего с реально засвидетельствованным;

2) создание сравнительного балтийского с л о в а р я с реконструкцией архаичного ядра балтийской лексики и указанием точек "включения" ее в общеиндоевропейский словарь;

3) создание общего труда по гидронимии и топонимии балтийского типа за пределами современного балтийского ареала (хотя бы восточнославянские и польские территории), напр., атласа и соответствующего исследования;

4) создание сводного труда по проблеме славянских заимствований в балтийских языках и балтийских заимствований в славянских; необходимо особо выделить аспект освоения славянской речи в районах двуязычия (учитывая и эвентуальные, так сказать, "разовые" (ad hoc), ситуационные включения славянских слов в балтийский текст, в частности, в диалоге носителей разных языков); существен и учет широкого круга лексики, относительно которой нельзя сказать ни того, что она заимствована, ни того, что она не может быть заимствована;

5) создание серии исследований в области вклада балтийского элемента в культуру северо-восточной Европы и его связей с другими культурными ареалами (мифология, ритуал, народная словесность и изобразительное искусство; социальная организация и экономика, "предправо"; сфера "подъязыковых" реалий); особое внимание должно быть уделено проблеме реконструкции древних текстов, использующих разные системы кодов.

Многие из этих проблем получили плодотворное развитие в научном творчестве великого литовского языковеда Казимира Буги, столетие со дня рождения которого отмечалось в 1979 г. Его труды - тот непременный и неразменный ресурс, который всегда будет в распоряжении исследователя балтийской языковой и этно-культурной проблематики на новых и дальних путях.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА И ДРЕВНЕЙШИЕ БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ СВЯЗИ

В.В. МАРТЫНОВ

БАЛТО-СЛАВЯНО-ИРАНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГЛОТТОГЕНЕЗ СЛАВЯН

В наших предшествующих работах, посвященных балто-славянским языковым отношениям[1], мы стремились показать, что а) словообразовательная система языка диагностирует наилучшим образом глоттогенез его носителей; б) славянское именное словообразование совпадает с балтийским в формантно-функциональном плане. Здесь нам бы хотелось попытаться ответить на вопрос, чем в таком случае объясняются столь очевидные различия между балтийской и славянской лексикой[2]. Ответ на этот вопрос, как мы себе представляем, должен также помочь объяснить расхождения в области морфологии, поскольку для тех и других следует искать общие экстралингвистические причины.

При изучении балто-славяно-италийских изолекс[3] нами было обнаружено, что в ряде случаев в праславянском сохранились балтийские лексические реликты, в значительной мере вытесненные их италийскими синонимами. Это напоминало ситуацию, приведшую к возникновению английского языка, для которого характерна борьба синонимов англосаксонского и старофранцузского происхождения. Подобно тому, как исторически засвидетельствованное нашествие франкоязычных норманнов привело к вытеснению или семантическому перераспределению англосаксонской лексики, археологически документированное нашествие предположительно италийского этноса[4] привело к вытеснению или семантическому перераспределению протобалтийской лексики. Снятие италийского лексического пласта существенным образом приближает славянскую лексику к балтийской.

Археологически документированное нашествие скифов

[1] *Мартынов В.В.* Праславянская и балто-славянская суффиксальная деривация имен. Минск, 1973; *Он же.* Балто-славянский инновационный процесс в области именного словообразования. - Baltistica, 1977, II priedas.

[2] См.: *Rozwadowski J.* O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich. Wybór pism, t. II. Warszawa, 1961, s. 107.

[3] *Мартынов В.В.* Балто-славяно-италийские изоглоссы. Лексическая синонимия. Минск, 1978.

[4] *Lehr-Spławiński T.* Z zagadnień językowych północno-indoeuropejskich. - RS, 1964, XXIII, 1, s. 11.

спустя семь веков на тот же ареал[5] привело, как мы думаем, к результатам аналогичного характера. В настоящее время нами осуществлено исследование балто-славяно-иранских изолекс, совпадающее по методике с предшествующим. Постепенное ретроспективное снятие иранского и италийского наслоений приближает славянскую лексику к балтийской и демонстрирует правильность тезиса о западнобалтийской языковой основе праславянского.

Таким образом, в нашем представлении глоттогенез славян выглядел следующим образом. Сначала протобалтийский субстратный язык в его западном ареале подвергся воздействию суперстратного италийского, что привело к возникновению "протославянского" (XII в. до н.э., становление лужицкой культуры). Последний в свою очередь подвергся воздействию суперстратного иранского, что привело к возникновению "праславянского" (V в. до н.э., разрушение лужицкой культуры)[6].

Лексика любого языка включает разноязычные по происхождению ингредиенты, которые нельзя смешивать с иноязычными проникновениями[7]. Если "язык С возник в результате суперстратного влияния языка А на язык В, то лексику, перешедшую из языка А в язык С, нельзя считать ни заимствованной, ни проникшей. Она составляет лексический А-ингредиент языка С"[8]. Праславянский включает балтийский и италийский ингредиенты. Предполагается, что источником первого является субстратный язык, а второго - суперстратный. Возникший при этом язык в свою очередь может быть субстратным для очередного наслоившегося на него языка, который в таком случае станет источником нового ингредиента. Таким третьим лексическим ингредиентом праславянского языка стал иранский, после чего формирование праславянского языка вступило, по-видимому, в завершающую фазу.

Понятие и н г р е д и е н т в отличие от п р о н и к н о в е н и я относится не только к лексике. Субстратно-суперстратное взаимодействие приводит к изменениям в грамматике. Что же касается лексики, то, аналогично проникновению, формирование лексического ингредиента реализуется путем взаимодействия абсолютных синонимов, которые в результате перераспределяют свою семантику[9].

В данной статье, являющейся продолжением работы о балто-славяно-италийских изолексах, мы рассмотрим бал-

[5] *Sulimirski T.* Kultura łużycka a Scytowie. - WA, 1939-1948, XVI.

[6] Ср.: *Pisani V.* Baltico, slavo, iranico. - Ric.Sl., 1967, v. XV, p. 22; *Benveniste E.* Les relations lexicales slavo-iraniennes. - In: To Honor Roman Jakobson, v. I. Hague-Paris, 1967, p. 202.

[7] Ср.: *Мартынов В.В.* Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963, с. 38-42.

[8] *Мартынов В.В.* Балто-славяно-италийские изоглоссы, с. 9.

[9] См.: *Мартынов В.В.* Балтийский лексический ингредиент праславянского языка. - Acta Baltico-Slavica, 1980, т. XIII.

2. Зак. 438

то-славяно-иранские параллели с тем, чтобы восстановить другой фрагмент субстратной, протобалтийской по происхождению, праславянской лексики. Для этого мы используем разработанную нами диагностику, в соответствии с которой славянская синонимическая пара считается максимально удовлетворяющей критерию обнаружения ингредиентов, если один из ее элементов обязательно имеет балтийские и, возможно, иные индоевропейские параллели, а другой соответственно только точную, в данном случае иранскую, параллель[10]. В список синонимических пар мы включили также грамматические слова, что усилило аргументацию в пользу ингредиентного характера анализируемой лексики.

Переходим к анализу славянских синонимических пар, максимально удовлетворяющих критерию обнаружения балтийского и иранского ингредиентов.

Прасл. *bě̀sъ - divъ* 'злой дух'

Прасл. *bě̀sъ* 'злой дух, бес', *bě̀sьnъ* 'неистовый, бешеный, бесноватый (одержимый злым духом)', *bě̀sьně̀ti* (< *bě̀sьnъ + ě̀ti*) 'неистовствовать, беситься, буйствовать (быть одержимым злым духом)'[11] генетически соотносится с лит. *baidýti* 'пугать, устрашать' (*bě̀sъ* < **bě̀d-s-*). Ср. лит. *baĩdas* 'пугало, страшилище' и схрв. *bȇda* 'бес, дьявол'. Абсолютным синонимом к прасл. *bě̀sъ* было *divъ*: болг. *див* 'злой дух', укр. *див* то же, др.-рус. *дивъ* (в "Слове о полку Игореве"). Сюда же ст.-сл. *дивъ* 'чудовище, страшилище', болг. *див* то же, др.-рус. *дивъ* то же, польск. *dziw* то же. Об этом же значении свидетельствует польск. *dziwoląg* 'чудище', *dziwożona* 'русалка', чеш. *divý muž* 'леший', *divá žena* 'ведьма, русалка', схрв. *дȉвљи човек* 'леший', словен. *divji mož* то же, которые сравнимы с болг. *дива, самодива* 'русалка'[12]. Прасл. *divъ* восходило к и.-е. *deiu̯os* 'бог' и отражало специфически иранский семантический переход 'бог' > 'демон' (см. прасл. *divъ - bogъ*)[13]. О том, что прасл. *divъ*

[10] *Мартынов В.В.* Балто-славяно-италийские изоглоссы, с. 9.

[11] Этимологический словарь славянских языков, вып. 2. М., 1975, с. 88-91; Słownik prasłowiański, t. I. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1974, s. 243-245. Ср. в последнее время: *Polák V.* Etymologické příspěvky k slov. demonologii. - Slavia, 1977, XLVI, 3, s. 284-285.

[12] Ср.: *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, с. 173; *Трубачев О.Н.* Две болгарские этимологии. - Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь шестидесятилетия проф. С.Б. Бернштейна. М., 1971, с. 458-462.

[13] *Георгиев В.И.* Индоевропейский термин **deywos* в славянских языках. - In: To Honor Roman Jakobson, v. I. Hague - Paris, 1967, p. 735-736; *Benveniste E.* Op. cit., p. 202; *Gołąb Z.* Linguistic Traces of Primitive Religious Dualism in Slavic. - In: For Wiktor Weintraub. Hague - Paris, 1975, p. 151-157; ср.: *Polák V.* Op. cit., s. 288-289.

имело значение 'злой дух, демон' помимо приведенных выше данных свидетельствует также и семантика его производных: чеш. *divý* 'бешеный', н.-луж. *źiwy* 'необузданный', полаб. *daivě* 'буйный' (= 'одержимый злым духом'), а также образованные от этих прилагательных глаголы: схрв. *дивљати* 'буйствовать, бушевать, беситься', словен. *divjati* то же (= 'быть одержимым злым духом'); особняком стоит кашуб. *zẽvic* 'зачаровать, сглазить'. Прасл. *divъ* 'злой дух, демон, чудовище', с нашей точки зрения, относится к иранскому ингредиенту (ср. др.-иран. *daēva* 'злой дух' < **deiva*), а *bě̀sъ* - к балтийскому.

Прасл. *bl'usti - patriti* 'смотреть, заботиться, беречь, распоряжаться'

Прасл. *bl'usti* имеет балтийские и другие индоевропейские соответствия (ср. лит. *baũsti* 'принуждать', гот. *ana-biudan* 'распоряжаться')[14]. Прасл. *patriti*, которое не имеет балтийских соответствий, находится с *bl'usti* в дополнительном ареальном распределении: первое - преимущественно на славянском западе, второе - на юге и востоке (рус. *блюсти* = чеш. *o-patrovati* 'ухаживать, оберегать', блр. *блюдкі* = польск. *o-patrzny* 'предусмотрительный'). Апофонический вариант к *bl'usti* (**beu̯d-*) - *bъdeti* (**bud-*) заключен в рус. *с-на-бдить*, которое семантически тождественно польск. *o-patrzyć* 'снабдить', хорв. *o-patriti* то же. Этот последний пример указывает на то, что реликты прасл. *patriti* существуют за пределами западнославянских языков. В свое время обращалось внимание и на другие параллели в южнославянских и восточнославянских языках: болг. *натря* 'заговаривать от сглаза' (= 'оберегать от дурного глаза')[15] и рус. *натрать*[16] 'дорожить, беречь' (ср. рус. *соблюдать* в значении 'беречь'). Уже отмечалась идентичность прасл. *patriti* и др.-инд. *pātar* 'хранитель' (= 'блюститель')[17], однако только недавно было установлено, что *patriti* - результат иранского влияния (ср. др.-иран. *pāθrai* 'хранить, стеречь')[18]. Словообразование не позволяет предположить параллелизм в развитии славянских и иранских форм (*pāθrai* < *pātar* < *pā* ='охранять, стеречь, владеть')[19], и мы

[14] Этимологический словарь славянских языков, вып. 2, с. 136-137; Słownik prasłowiański, t. I, s. 278-279.

[15] Ср.: *Леков И.* Малко известни български съответствия в западнославянски (евент. и руски) думи. - SO, 1933, 12, с. 138-140; *Dukova U.* Zur Frage des iranischen Einflusses auf die slawische mythologische Lexik.- ZfSl, 1979, 24, I, S. 10..

[16] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1971, с. 217.

[17] *Petersson H.* Baltisches und Slavisches. Lund-Leipzig, 1916 (Lunds Universitets Arsskrift, N.F. AVD. 1, Bd. 12, N 2), S. 88-89.

[18] *Трубачев О.Н.* Из славяно-иранских лексических отношений. - Этимология 1965. М., 1967, с. 48.

[19] Там же, с. 49.

делаем вывод о принадлежности *patriti* к иранскому, а *bl'usti* - к балтийскому ингредиентам.

Прасл. *bur'a* - *dъždžь* 'непогода'

Прасл. *bur'a* 'буря, гроза, дождь, непогода' генетически соотносится с лит. *biaurùs* 'дурной, плохой': лит. *biaurùs óras* 'плохая погода, дождь', *biũra* 'очень плохая погода; идет сильный дождь'[20]. Абсолютным синонимом к прасл. *bur'a* 'непогода' оказывается прасл. *dъždžь*[21]. Собственно славянская этимология для нее не обнаруживается. Возведение к и.-е. *dus-diu-* 'плохое небо'[22] фактически означает указание на иранский источник, поскольку первая часть сложного слова восстанавливается именно в иранском звуковом оформлении (*duž-* перед последующей звонкой), точно соответствующем прасл. *dъž-džь*. Ср. др.-иран. *duž-daenā* 'еретик' (= 'следующий плохой религии'), *duž-dōiθra* 'имеющий дурной (плохой) глаз' и др.-инд. *dur-dinam* 'дождливый (плохой) день'[23]. Такого рода образования очень продуктивны в иранских языках. Вторая часть сложного слова должна означать 'светлое, чистое небо' (ср. др.-инд. *diu-* 'небо, день, свет'), т.е. то, что соответствует понятию '(хорошая) погода'. Тогда иран. **duž-diu* - 'непогода, плохая погода'. Следовательно, *dъždžь* 'дождь' < *dъždžь* 'непогода' < иран. *duž-diu*. Иран. *duž-* 'плохой, дурной': лит. *biaurùs* 'плохой, дурной' = *dъždžь* : *bur'a*, которые противопоставлены как представители иранского и балтийского ингредиентов славянской лексики.

Прасл. *bъrtviti* - *gatati* 'неясно говорить, ворожить'

Прасл. *bъrtviti* 'говорить неясно, неразборчиво' < прасл. **bъrtviti* 'колдовать, ворожить' (ср. лит. *bùrtvis* 'колдун, чародей' < *bùrti* 'гадать, колдовать'). Лит. *bùrti* в свою очередь восходит к **bùrti* 'делать надрезы, насечки' (ср. лит. *bùrtas* 'жребий' и прасл. *bъrtь* 'борть')[24]. В качестве абсолютного синонима к прасл. *bъrtviti* выступает прасл. *gatati* (ср. др.-рус. *гатать* 'говорить неясно' и схрв. *gȁmati* 'ворожить, колдовать'). О том, что прасл. *bъrti* было вытеснено прасл. *gatati*,

[20] *Otrębski J.* Les mots d'origine commune dans les langues slaves et baltiques. - LP, 1949, I, p. 128; *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I. Heidelberg-Göttingen, 1962, S. 42-43.

[21] Этимологический словарь славянских языков, вып. 5. М., 1978, с. 195-196.

[22] См.: *Vaillant A.* Le nom slave de "la pluie". - RÉS, 1927, t. 7, fasc. 1-2, p. 112-113; *Trubetzkoj N.* Ursl. *dъždžь* 'Regen'. - ZfslPh, 1927, 4, S. 63.

[23] *Mayrhofer M.* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Bd. II. Heidelberg, 1956, S. 54.

[24] Этимологический словарь славянских языков, вып. 3. М., 1976, с. 132-133; *Топоров В.Н.* Прусский язык. А.-D. М., 1975, с. 266-267.

свидетельствует и известное высказывание черноризца Храбра: "Чрътами и рѣзами чьтѣхѫ и гатаахѫ". Прасл. *gatati* не имеет балтийских параллелей, но зато имеет точное соответствие в др.-иран. *gāϑā* 'религиозный гимн', *gāϑrəm* 'пение (сакральное)'[25]. Мы видим поэтому в *bъrtviti* (*bъrti*) балтийский, а в *gatati* - иранский ингредиент славянской лексики.

Прасл. *bъrzъ* - *xъrtъ* 'скорый, быстрый (гончая)'

Прасл. *bъrzъ* (*bъrzdъ*) имеет балтийские параллели: лит. *burzdùs* 'подвижный, живой' и др.[26], чего нельзя сказать о прасл. *xъrtъ*. Лексемы семантически пересекаются в значении 'гончая' (рус. *хорт* = рус. *борзая*), что способствует предположению о прасл. *xъrtъ* < и.-е. **ser-* 'течь, спешить, гнать' (ср. др.-инд. *sárati* 'гонит, преследует', *sṛtaḥ* 'гончий')[27]. Др.-инд. *sṛtaḥ* должно соответствовать древнеиранское лексикализованное причастие **hṛta-*, которое мы считаем источником прасл. *xъrtъ*. Этот пример может быть отнесен к числу возможных праславянских иранизмов с начальным *x-* (~ др.-иран. *h* < и.-е. *s-*)[28].

Прасл. *děl'a* - *radi* 'для, ради'

Прасл. *děl'a* 'для, ради' генетически соотносится с прасл. *dělo* 'дело' (< и.-е. *dhē-*). Если принять монофтонгический вокализм для рассматриваемых лексем, то из родства *děl'a* и *dělo* не следует славянское происхождение лит. *dẽl* 'для, ради', лтш. *dẽļ* то же, которые вслед за рядом исследователей мы считаем родственными прасл. *děl'a*[29]. Абсолютным синонимом к прасл. *děl'a* является прасл. *radi*, которое не только семантически, но и синтаксически адекватно прасл. *děl'a*. Кроме того, они имеют одинаковую морфологическую вариативность (*děl'ъma* = *rad'ъma*)[30]. Уже давно было обращено внимание на этимологическую тождественность прасл. *radi* и др.-перс. *rādiy* 'ради'. Последние исследования показали общеиранский характер древнеперсидского слова, причем праиранская

[25] *Rozwadowski J.* Stosunki leksykalne między językami słowiańskimi a irańskimi. Wybór pism, t. II. Warszawa, 1961, s. 121-122.

[26] Этимологический словарь славянских языков, вып. 3, с. 137-139; Słownik prasłowiański, t. I, s. 427.

[27] *Moszyński K.* Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1957, s. 136; *Мартынов В.В.* Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968, с. 136-137.

[28] *Gołąb Z.* The Initial *x-* in common Slavic: A Contribution to Prehistorical Slavic-Iranien Contacts. - American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists, v. I. The Hague, 1973, p. 132-133.

[29] Этимологический словарь славянских языков, вып. 4. М., 1977, с. 234-235.

[30] Etymologický slovník slovanských jazyků, sv. I. Praha, 1973, s. 55-59, 227-229.

лексема была реконструирована как *rādī*[31]. Независимо от дальнейших этимологических связей, наличие тождественных балтийских форм для прасл. *dě̄l'a* и тождественных исключительно иранских форм для прасл. *radi* свидетельствует о том, что они отражают соответственно балтийский и иранский ингредиенты славянской лексики.

Прасл. *divъ* - *bogъ* 'бог'

Прасл. *divъ* 'бог' (и.-е. *deiu̯os*) восстанавливается из производного имени *divъ(jь)*[32] 'неприрученный (о животных), невыращенный (о растениях)'. Ср. такое табуистическое название волка, как схрв. *дȕвли нāс* = лтш. *dieva suns* 'неприрученный пес' = 'божий пес'. Можно привести названия ряда неприрученных человеком животных и диких растений, которые образованы аналогичным способом, т.е. эпитет в славянских языках образован от *divъ*, а в балтийских - от *dievas* 'бог'[33]. Отсюда **divъ* 'бог', **divъ(jь)* 'божественный' > *divъ(jь)* 'не принадлежащий человеку, неприрученный, невыращенный'. Ср. аналогично прасл. *divъ ognь* = др.-инд. *deviam agnim* 'ритуальный огонь', рус. *дивий мед = божий мед*[34]. Абсолютным синонимом к восстановленному таким образом прасл. *divъ* 'бог' является прасл. *bogъ*[35]. Балтийские языки не знают соответствия для прасл. *bogъ* ни в одном из его значений (напр., **bogъ* 'богатство, счастье'), а значит, слово появилось по окончании балто-славянского периода. В этот период существовало слово, развившееся из и.-е. *deiu̯os*, реликты которого мы должны искать (см. выше) именно в "божественном", а не в "демоническом" смысле, ибо во втором случае действует иранский суперстрат (ср. прасл. *bě̄sъ* - *divъ*), а не протобалтийский субстрат. Таким образом, прасл. *divъ* - *bogъ* соответственно относятся к балтийскому и иранскому ингредиентам.

Прасл. *do* - *pri* - *kъ* 'к'

Прасл. *do* 'к (предлог и приставка)' легко восстанавливается как древняя форма, однако балтийская параллель

[31] *Семеренyи О.* Славянская этимология на индоевропейском фоне. - ВЯ, 1967, № 4, с. 3-9; *Semerenyi O.* Iranica. II (20) - Sprache, 1966, XII.

[32] Этимологический словарь славянских языков, вып. 5, с. 35-36.

[33] *Mühlenbach K., Endzelin J.* Lettisch-deutsches Wörterbuch, Bd. I. Riga, 1921-1925, S. 486.

[34] См.: *Dukova U.* Zur Frage des iranisches Einflusses auf die slawische mythologische Lexik, S. 12; *Топоров В.Н.* Балтийские и славянские названия божьей коровки (Coccinella septempunctata) в связи с реконструкцией одного из фрагментов основного мифа. - Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом. М., 1978, с. 136.

[35] Этимологический словарь славянских языков, вып. 2, с. 161-163; Słownik prasłowiański, t. I, s. 296-297.

к нему вызывает сомнения. Предполагается, что лит. *da*, лтш. *da* славянского происхождения[36]. Прасл. *do* находится в семантическом дополнительном распределении с *pri*: ср. болг. и макед. *до* 'при' и *при* 'к'. О том, что прасл. *pri* имело значение 'к' и, следовательно, в болгарском и македонском сохранилось его древнейшее значение, свидетельствует, во-первых, семантика префикса *pri-*, который выступает как абсолютный синоним префикса *do-* (ср. рус. *прибавить* и *добавить*) и, во-вторых, балтийское соответствие: др.-прус. *prei* 'к, при', лит. *priẽ* то же, лтш. *prie-* (префикс)[37]. Абсолютным синонимом прасл. *pri* является прасл. *kъ* 'к'[38], которое не имеет балтийского соответствия и в то же время имеет иранское. Последние данные иранских языков показывают, что они знали не только соответствующий послелог, но и предлог (ср. согд. *kw* 'к')[39]. Это дает основание предполагать воздействие иранского суперстрата. Следовательно, прасл. *pri (do) - kъ* отражают балтийский и иранский ингредиенты.

Прасл. *kosa* - *volsъ* 'волос человека (на голове)'

Прасл. *kosa* имеет точное соответствие в балтийском (лит. *kasà* 'коса', лтш. *kasa* то же и восходит к соответствующему глаголу со значением 'чесать' (прасл. *česati*, лит. *kasýti*). Относительно семантики ср. схрв. *кȏсни* 'волосяной' и *влāснат* то же. В качестве абсолютного синонима в праславянском выступает *volsъ*, которое не имеет балтийских параллелей при наличии прямого иранского: др.-иран. *varsa* 'волос человека (на голове)', ср.-перс. *vars* 'волос'. Остальные индоевропейские параллели (в том числе древнеиндийские) далеки семантически от иранских и славянских. Мы полагаем, что прасл. *volsъ* - иранизм, результат воздействия скифского суперстрата. Судя по непоследовательной рефлексации и.-е. *l* в осетинском (ср. осет. *sald* 'холодный' и перс. *sard* то же) и его передаче как *l* в скифо-сарматской антропонимике[40], фонетика *volsъ* может отражать иран. *valsa*. Кроме того, иранские формы отражают суффиксацию *-ŕa*, объединяющую их с др.-инд. *valśaḥ* 'ветвь' и отсутствующую в других индоевропейских параллелях (ср. лит. *vãlas* 'лошадиный волос'). Прасл. *kosa - volsъ*, следовательно, относится к балтийскому и иранскому ингредиентам.

[36] Ср.: Etymologický slovník slovanských jazyků, s. 59-66; *Мажюлис В.* Происхождение приставки *da-* в балтийских языках. - ВСЯ, 1958, 3, с. 127-133.

[37] Etymologický slovník slovanských jazyků, s. 210-216.

[38] Ibid., s. 99-106.

[39] *Benveniste E.* Une correlation slavo-iranienne. - In: Festschrift für Max Vasmer. Berlin, 1956, S. 72. Ср.: *Vaillant A.* La preposition *ku*. - RÉS, 1956, 33, p. 108-110.

[40] *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, с. 38-39.

Прасл. *modrъ - polvъ - sinjь* 'синий'

Прасл. *modrъ* генетически соотносится с лит. *mãdaras* 'грязь'. Ср. семантику лит. *mėlas* 'синий', лтш. *mę̃lns* 'грязный', др.-инд. *mala* 'грязь' и др. У южных славян эта лексема конкурирует с *polvъ* (словен. *plav* и *moder* - абсолютные синонимы, оба в значении 'синий', ср. словен. *plavica* 'василёк' и *modrič* то же). За пределами южнославянских языков *polvъ* не выступает в значении 'синий'. Однако, если др.-рус. *половьць* - калька с тюрк. *kuman* 'синий' и самоназвание половцев, то это значение возникло еще в праславянском. Балтийские параллели: лит. *pal̃vas* 'бледный, светло-желтый, светло-русый' (такое же значение зафиксировано в севернославянских языках), ср. семантику нем. *blau* 'синий' и лат. *flāvus* 'светло-желтый, светло-русый, блеклый'. В настоящее время трудно реконструировать семантическое соотношение прасл. *modrъ* и *polvъ*. Однако оба они имеют балтийские и другие индоевропейские соответствия в отличие от прасл. *sinjь*. Интересно отметить, что схрв. *сињи* 'синий' используется в основном как название цвета моря: схрв. *сȉње мо̀ре* = рус. фолькл. *сине море* (постоянный эпитет). Это обстоятельство приводит к мысли об иноязычном, "морском" происхождении лексемы. Известно, что древнегреческое название Черного моря восходит к иранскому (Πόντος Ἄξεινος 'синее море'). Ср. др.-иран. *axšaena*, осет. *aexsīn*, афг. *sīn* и др.[41] Возможность иранского источника предполагалась и раньше[42]. Таким образом, прасл. *sinjь* отражает иранский ингредиент.

Прасл. *ognъ - (v)atra* 'огонь'

Прасл. *ognъ* имеет соответствия в балтийских и других индоевропейских языках (лит. *ugnìs*, *agnùs* 'огненный'). Другим древним названием огня является *vatra*. Их параллелизм подтверждается парами типа схрв. *огњиште - ва̏триште* 'очаг', *жи̏ви бе̏ог - жи̏ва ва̏тра* (в ритуальном значении) и др.[43] Праславянский характер *vatra* доказывается распространением лексемы далеко за пределами балканского ареала, особенно на приднепровской Украине и старой русской территории. Производный характер русских параллелей (*ватруга, ватрулька, ватруха, ватрушка*, ср. польск. *watrzniak* 'испеченная на углях овсяная лепешка') в еще большей степени подчеркивает древний реликтовый характер слова. О древнем характере *vatra* свидетельствуют также такие дублеты, как др.-рус. *обатрити сѧ* 'воспалиться' - ст.-слав. *обѧтрити сѧ* то же, укр. *ватрити* 'гореть' - *ятрити* 'зажигать (огонь)'. Здесь наблюдается смешение двух древних лексем: прасл. *atriti* (с *j-* или *v-* протезами) 'зажигать' и прасл. *jętriti* (от *jętro* 'внутренности') 'бередить (рану)'. Возможно, к прасл. *vatra* восходит также рус. *ватарь-камень*. Если синоним рус. *алатырь-камень - бел-горюч камень* является калькой, то *алатырь* < иран. **al-ātar* (= 'бел-горюч'). Дополнительным подтверждением могло бы служить рус. *белатор-камень* (полукалька: *бел-атор*). Выделяемая в этих вариантах общая часть *-атор* регулярно восходит к иран. *ātar-* 'огонь'. Таким образом, прасл. *(v)atra*[44] мы рассматриваем как результат воздействия иранского суперстрата.

Прасл. *onъ - ovъ* 'тот'

Прасл. *onъ* генетически соотносится с лит. *anàs* 'тот'. Что касается прасл. *ovъ*, то оно лишено балтийских соответствий при наличии др.-иран. *ava-* 'тот', др.-перс. *ava-* то же[45]. Для праславянского реконструируется следующая подсистема указательных местоимений: объект говорящего лица *sъ* (лит. *šìs* 'этот') - объект лица, с которым говорят *tъ* (лит. *tàs* 'тот') - объект третьего лица *onъ* (лит. *anàs* 'тот'). В этой подсистеме для *ovъ* нет места, поэтому при ее взаимодействии с *ovъ* происходило перераспределение мест. Прасл. *onъ - ovъ* должны рассматриваться как соответственно представляющие балтийский и иранский ингредиенты.

Прасл. *slava - xvala* 'выражение благодарности'

Прасл. *slava* генетически соотносится с лит. *šlóvė* 'честь, хвала, слава', лтш. *slava* то же и др. Прасл. *xvala* лишена балтийских соответствий. Попытки этимологически связать ее с *slava* или *xula* неубедительны, хотя между ними, очевидно, существуют вторичные народноэтимологические сближения. Недавно была предпринята попытка включения прасл. *xvala* в число возможных славянских иранизмов с начальным *x-* (~др.-иран. *h-* < и.-е. *s-*)[46]. При этом обращено внимание на состав таких антропонимов, как слав. *Bogu-xvalъ* и перс.-мид. *Baga-farna* (*Baga-xvarna*)[47], и прасл. *xvala* возводится к др.-иран. *hvarənah-*, др.-перс. *farnah-* 'слава, роскошь, величие'. Последнее восходит к др.-инд. *svarati* 'светит, блистает', *svar*

---

[41] *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.-Л., 1958, с. 220.

[42] *Mikkola J.J.* Berührungen Zwischen den Westfinnischen und Slavischen Sprachen. Helsingfors, 1894, S. 162.

[43] См.: *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы, с. 144.

[44] Ср. в последнее время: *Hamp Eric P.* On the Distribution and Origin of *vatra*. - In: Opuscula slavica et linguistica. Festschrift für Alexander Issatschenko. Klagenfurt, 1976, S. 207-209. Реконструкция прасл. *atra* с последующим *v-*протезированием принята О.Н. Трубачевым. См.: Этимологический словарь славянских языков, вып. 1, с. 91-92.

[45] *Pisani V.* Baltico, slavo, iranico, p. 19. Ср.: *Pisani V.* Slavo e iranico. - Atti del III Congresso Internazionale dei Linguisti. Firenze, 1935, p. 371-379.

[46] См.: *Gołąb Z.* The Initial *x-* in common Slavic, p. 143-145.

[47] *Milewski T.* Ewolucja morfologiczna indo-europejskich imion osobowych. - BPTJ, 1957, XVI, s. 50.

'солнце', др.-иран. *hvarə* то же. Соответствующая древнеиранская глагольная форма была бы **hvarati*, от которой образуется **hvārγā*, а после аланского перехода *-ry-* > *-l-* - **hvālā*. Принимая в целом данную этимологию, мы бы хотели обратить внимание на то, что непоследовательная рефлексация и.-е. *l* в осетинском и передача его как *l* в скифо-сарматской антропонимии, о чем уже говорилось (ср. *kosa - volsъ*), дают основание обойтись без "аланского перехода", тем более что зафиксировано осет. *farn* (ожидалось бы *xwarn* или *xarn*) и ряд других иранских форм персидско-мидийского происхождения[48]. Мы бы считали, что др.-иран. *hvarənah - nomen actionis*, образованное посредством суффикса *-ana* (ср. *hamarənah* 'битва'). Это дает основание для восстановления др.-иран. **hvarati* 'славит, хвалит', от которого и образовалась лексема-источник посредством тематического суффикса *-a-* и *vṛddhi* корневого гласного с ударением на суффиксе (**hvārá* и скифский вариант *hvālá*). Этот тип словообразования не имеет параллелей за пределами индоиранских языков. Дополнительным и очень важным аргументом в пользу скифского *hvālá* как источника прасл. *xvala* является убедительное толкование имени родоначальника скифов Κολαξαις как *xola-xšaya* 'солнце-царь' (ср. др.-иран. *hvar-xšaita*, перс. *xoršed*)[49]. Из этого несомненно следует, что иранское название солнца, которое, как уже отмечалось, генетически соотносится с рассматриваемым др.-иран. *hvarəna-*, содержало неизменным и.-е. *l*, а значит, реконструкция скифского *hvālá* целиком оправдана. Отсюда мы заключаем, что прасл. *xvala* отражает иранский ингредиент.

Прасл. *tesla - sekyra - toporъ* 'топор'

Прасл. *tesla* имеет известные балтийские и индоевропейские соответствия, *sekyra* - только италийские[50], что свидетельствует о принадлежности первого к балтийскому, а второго - к италийскому ингредиентам. Что касается прасл. *toporъ*, то оно традиционно связывается с иранскими названиями этого орудия[51]. Иран. **tapara* < **parata* 'топор', которое отражает древнеперсидскую форму, восходящую к протоиран. **parasu-*. Судя по осет. *faeraet* 'топор' (вместо регулярного *faeraes*), скифский заимствовал лексему из древнеперсидского[52]. Таким образом, прасл. *toporъ* отражает иранский ингредиент.

[48] *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. т. I, с. 421-422.

[49] *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор, I. М.-Л., 1949, с. 243; *Он же.* Скифо-европейские изоглоссы, с. 39-40.

[50] *Мартынов В.В.* Балто-славяно-италийские изоглоссы, с. 36-37.

[51] *Зализняк А.А.* Проблемы славяно-иранских языковых отношений.- ВСЯ, 1962, 6. с. 40.

[52] *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, с. 451.

В.Н. ЧЕКМАН

ДРЕВНЕЙШАЯ БАЛТО-СЛАВО-ИНДОИРАНСКАЯ ИЗОГЛОССА (*s_{i-k} > *š)

0. Результаты изменения и.-е. **s* после *i, u, r, k* (условно **s_{i-k}*) в праславянском, литовском, древнеиндийском и древнеиранских языках хорошо описаны и многократно комментировались. Тем не менее проблема изучения этого изменения остается, поскольку не установлены его общие фонетические и фонологические предпосылки, практически не реконструированы этапы, убедительно не объяснены причины его непоследовательности в балтийском и, наконец, не доказано, развилось ли оно независимо в праславянском, прабалтийском и индоиранском, или же относится к числу общих (прото)балто-славо-индоиранских инноваций.

А. Мейе подверг сомнению справедливость последней точки зрения, установившейся к началу XX в.; он не считал **s_{i-k}* > *š*, *x* даже общим балто-славянским явлением[1].

В развернувшейся затем дискуссии, практически не прекратившейся до настоящего времени, были высказаны все возможные предположения о соотношении **s_{i-k}* > *š*, *x* в балтийском и праславянском: одни исследователи сочли критику Мейе необоснованной, другие приняли ее, а третьи пытались выработать компромиссное решение.

Очевидно, назрела необходимость рассмотреть вопрос о принципиальной разрешимости этой важной для индоевропеистики проблемы. В данной статье предпринята попытка систематизировать известные балто-славянские и индоиранские факты с целью показать, что без учета типологических данных они не поддаются однозначной интерпретации в рамках правил, принятых в сравнительно-историческом языкознании.

1. Если фонетический результат изменения **s_{i-k}* был, видимо, одинаков в праславянском, балтийском, древнеиранском и древнеиндийском[2], то условия перехода **s_{i-k}* > **š* разнятся в каждом из них:

[1] *Meillet A.* Les dialectes indo-européens. Paris, 1908, p. 40-49. (ed. 2. Paris, 1933); характерно, что в "Общеславянском языке" (М., 1951; 1-е изд. - 1924 г.) он не так категоричен, указывая: "Переход *s* в *x*, *s* в определенных условиях опирается на диалектное явление общеиндоевропейской эпохи" (с. 29).

[2] О др.-инд. *ṣ* < **š* < **s_{i-k}*: См.: *Wackernagel J.* Altindische Grammatik. I. Lautlehre. Göttingen, 1896, S. 229 (со ссылками на предшествующую литературу); о слав. *x* < **š* < **s_{i-k}*: *Lazicius J.* Zur Wandlung idg. *s* > slav. *ch* - IF, 1933, 51, S. 196-199; *Vaillant A.* Grammaire comparée des langes slaves, t. 1. Paris, 1950, p. 28; *Shevelov G.Y.* A prehistory of Slavic. The historical phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964, p. 127; *Bräuer H.* Slavische Sprachwissenschaft. I. Einleitung. Lautlehre. Berlin, 1961, S. 20.

Общебалтийское состояние восстанавливается по фак-